

Молодой Грифон

— Значит, сначала вам просто повезло встретить друг друга после похорон, и потом вам просто повезло прийти к теме восстания из-за доброты ваших сердец, — скептически сказала Элисса, бросая на Кайно мокрое полотенце. Он не стал открывать глаза, откинувшись на край горячей ванны, и только хмыкнул, когда полотенце шлёпнулось ему на лицо.

— Подумать только, что ты с самого начала пометил нас всех, — пробормотал Джейсон, качая головой. Горячая ванна была ему не по вкусу, и после быстрого очищения он стал лениво плавать в холодном бассейне. — Как ты узнал, что мы все будем открыты для этого безумия?

Сол, поняв что вопрос не риторический и что я не спешу отвечать на него за него, приостановил своё злобное оттирание, чтобы придумать ответ, звучащий соответственно зловеще.

— Кто-то из ваших старейшин пометил вас всех в ту ночь, — сказал он наконец. Анастасия, сидевшая рядом с ним, моргнула и приостановила собственное оттирание оливковой веткой, явно собирая кусочки воедино. Её не было рядом, когда Сол объявил о присутствии внимания высшего культиватора.

— Так вот почему ты позвал меня, — сказала она, сверкнув едкими зелёными глазами. Затем она надула губы, наклонившись боком в его личное пространство. — А я-то думала, что это моя красота привлекла твоё внимание.

Сол вздохнул и оттолкнул её назад.

— Так или иначе, вы не сможете долго терпеть эти манёвры, ничего не делая, — сказал он категорично. — Не без того, чтобы не потерять часть себя. Или, если Ворóны доберутся до вас первыми, чтобы её отняли у вас.

— Ты говоришь так... — пробормотал Кайно, откидывая полотенце с глаз и серьёзно глядя на Сола. — Но в ту ночь, когда ты позвал нас, нас было шестеро, и теперь, здесь только четверо.

— Пятеро, — поправила Анастасия. Я приподнял бровь, полностью открыв глаза, которые были полуприкрыты в течение почти всего времени в бане.

— Хо? У тебя появился ещё один друг, Сол? — спросил я с любопытством. Мы с Солом не успели перекинуться ни единым словом с тех пор, как ночные гуляния уступили место рассвету. После того как мы захватили неработающую баню, наши новые попутчики уже успели вдоволь наболтаться за нас обоих. Она была закрыта на реконструкцию не из-за последнего вздоха покойного кириоса, а потому, что недавно какая-то несчастная душа пробила крышу и обрушила часть здания. Произошло это, судя по всему, несколько ночей назад, и виновные в этом злодеи до сих пор не найдены.

— Просто девчонка, прыгнувшая выше своей головы, — отмахнулся он, хотя при этом задумчиво нахмурился. Конечно, я не мог не заметить напряжённых взглядов, которыми Джейсон и Элисса окинули моего брата в ответ на его непринуждённое заявление.

— Ты говоришь так, — пробормотала Анастасия, — но мне показалось, что вы двое очень хорошо знакомы. И она была решительно настроена присоединиться к нам.

— Где она сейчас? — спросил я.

— Вернулась на гору, где ей и место, — сказал Сол, покачав головой. — Мы коротко поговорили после похорон кириоса. Она всего лишь ребёнок с могущественным отцом, который ищет возможность вырваться из своей закрытой жизни.

— Как незрело, — пренебрежительно сказал я, и Сол фыркнул, скривив губы от веселья.

— Это... один из способов описать её, — сказала Анастасия, в голосе которой веселье боролось с искренней неуверенностью. — Вы двое просто случайно столкнулись?

— После того, как мы с тобой расстались, — кивнул он.

— Невероятно, — пробормотал Джейсон.

— Сколько аристоисов спрятано у тебя в тунике? — спросила Элисса, принимая от Анастасии кувшин с оливковым маслом и выливая щедрую порцию себе на плечи и руки. Джейсон бросил взгляд на струйки масла, которые стекали в небольшие углубления её шрамов.

— Аристоис? — пробормотал Кайно, поднимая голову и, с чем-то похожим на ужас, спрашивая, — Эта девочка. Насколько действительно силен её отец?

В этот момент три взгляда метнулись в сторону Сола. Несмотря на все дразнящие взгляды Анастасии и угрюмое поведение Элиссы, они искали его разрешения говорить. Он кивнул, глядя в мою сторону, и через мгновение я понял, что он знает ответ на этот вопрос не больше, чем я. Но они знали.

Элисса взяла его разрешение и коротко ответила: «Это была Селена».

Кайно долго смотрел на неё. Затем он посмотрел на Сола, ища подтверждения. Сол кивнул.

Героический Охотник Разбитого Прилива откинул голову назад, ударившись о каменную кромку бассейна достаточно сильно, чтобы она треснула.

— Дочь 'Залоса, — вздохнул он, прижимая к лицу две массивные руки, ладони которых впились ему в глаза. — Ты втянул в это дочь 'Залоса.

— Я ни во что её не втягивал. Она в этом не участвует.

'Залос, размышлял я. Интересно, почему это имя звучит знакомо. Старый 'Залос, услышал я в чьём-то далёком голосе, в размытом воспоминании.

— Она не участвует в этом, но она присоединилась к тебе на твоей охоте? Она взяла в руки оружие против правящих фракций Бушующего Неба? И она не участвует? — настаивал Кайно, настойчиво потирая глаза. Я предложил ему несколько рук панкратиона, чтобы помочь, но он раздражённо отмахнулся от них, обдав меня обжигающей водой.

Я откинул мокрые волосы с глаз, недовольно нахмурившись. Старый 'Залос, звучало в памяти. Имя было произнесено с презрением.

— Она не брала никакого оружия, — сказал Сол, возвращаясь к оттиранию. — И она не будет в

будущем. Не с нами. — Анастасия подставила ладонь под струйку оливкового масла и опрокинула ему на спину, помогая его оттиранию своей оливковой ветвью. Она невинно улыбнулась, когда он уставился на неё серыми глазами.

— И всё же она обещала найти нас сегодня ночью, — язвительно заметила Героиня.

Старый 'Залос, сказал мой отец в смутном воспоминании из моего детства. Мои глаза загорелись.

— Ты привлёк внимание дочери Тирана, — восхищённо обвинил я его. Он держался как всегда, ничего не выдавая нашим спутникам, но я видел его внезапный ужас, когда подтвердились его худшие подозрения. — И более того, внимание дочери нашего собственного алого Тирана! Хитрый Римский пёс!

— Ты не это должен говорить, — с отчаянием сказал Джейсон, прекращая грести на спине и жалко плавая в воде, глядя вверх через зияющую дыру в потолке. — Ты должен был сказать нам, что действуешь с благословения Розовой Зари.

— А кто сказал, что это не так? — спросил я, не в силах сдержать улыбку. Элисса шлёпнула веткой по поверхности бассейна, подняв брызги воды.

— Как будто он согласится на участие своей дочери, — прошипела она. Глаза цвета пустынного жара горели боязливым гневом. — Вы можете считать нас дураками, но это не так! Вовлекать её в эти игры — безумие, и не того типа, который тебе нравится. Он никогда бы этого не допустил.

— Вопрос в том, — повторил я медленно, целеустремлённо, — кто сказал, что мы действуем не с благословения Розовой Зари? — Я наслаждался взглядами, напряжением. — Старый 'Залос — это Розовая Заря?

— Нет, — мрачно ответил Кайно.

— Кто тогда? — мягко спросил я.

— Дэймон Этос, — ответил Сол, когда стало ясно, что никто другой не станет.

— Ты ходишь по тонкой грани, — предупредила Анастасия, хотя даже в своей серьёзности она продолжала ласкать и тыкать в Сола своей оливковой ветвью. — Даже для кого-то вроде тебя. Старейшины Бушующего Неба сейчас в конфликте, это правда, но чужак остаётся чужаком. Если мы будем толкать их слишком сильно и слишком быстро, они могут действительно решить действовать как им и следует и объединиться, чтобы изгнать вас из своих рядов.

— И нас вместе с вами, — добавила Элисса. С чем-то похожим на отвращение к себе, она сказала, — Мы многим рискуем, бросая наш жребий вместе с вами двумя. Не надо тащить нас за собой в Тартар.

Это задело Сола, ударило его сильно и болезненно. Я вставил мой голос, прежде чем остальные успели навалиться.

— Конечно, мы не потащим. Как мы можем потащить кого-то туда, куда мы сами не собираемся идти? — Я усмехнулся. — По крайней мере, не раньше, чем мы будем готовы окунуться в Стикс.

— Значит, если старейшины обратятся против нас, вместо друг друга, — сказал Кайно. — Вы сможете справиться с ними всеми?

Позвольте мне внести ясность.

С тех пор как мы с Солом прибыли на берега Олимпии, мы создали что-то вроде мифа вокруг нас. Нечто маленькое и хрупкое, но не менее могущественное для тех, кого оно коснулось. Те культиваторы, что окружали нас в этой ванне, были настоящими героями и героинями. Они сражались с чудовищами и злодеями и были признаны Судьбами и Музами за их усилия.

По сравнению с их полным великолепием, мы с Солом просто блекли. Их способность к культивации превосходила нашу в несколько раз, это вопрос степеней, а не множителей. В справедливом мире они бы превзошли бы нас по всем показателям.

Но они боялись. И по причинам, которые мы с Солом только начали разгадывать, их, каждого из них, преследовали далёкие беды. Как герои — они были обязаны исправить то, что было неправильно, и поскольку они не выполняют свой божественный императив, поскольку сама их сущность говорила им, что они живут не так, как надо, Сол и я вмешались, чтобы заполнить эту пустоту.

Но это не означало, что мы не понимали, во что ввязались. Сол и я были предназначены для великих дел, и я намеревался достичь ещё более великих дел, чем эти, но Философ оставался Философом. Герой оставался Героем.

И Тиран оставался Тираном.

Наши новые спутники почти что убедили себя в абсурдной оценке нашей относительной силы. Но даже в этом случае утверждать, что мы можем справиться со всеми старейшинами Бушующего Неба в одиночку, было слишком. Даже намекнуть на это было бы вопиющей ложью.

Поэтому я сказал ему правду: «Конечно, нет. Мы — падальщики, грызущие пятки могучим зверям, надеясь, что они обратят своё раздражение на своих соперников, прежде чем придут за нами. Одна ошибка может стать концом для всех нас».

— Мы не просто так устроили это представление вчера вечером, — добавил Сол, поддерживая мою мысль так же естественно, как если бы она была его собственной, просто ученик, повторяющий то, что придумал его учитель. — Насколько вашим старейшинам известно, то вас похитили ночью. Возвращайтесь, сочините беглую историю о своём побеге и умойте руки.

Конечно, нам пришлось бы бежать из города, и это было бы неприятно. Но Оракулы никуда не собирались уходить. Через четыре года снова будет Олимпиада. И были другие способы стать сильнее, без необходимости пожирать звёздный костный мозг Тиранов.

Если эти Героические культиваторы действительно боялись смерти больше, чем они презирали узы тирана, то мы ничего не могли для них сделать.

— Проклятье, — тихо сказал Джейсон. — Проклятье. Я сказал, что я с тобой, Солус. Я не позволю тебе сделать меня лжецом.

Челюсть Элиссы сжалась, но она покачала головой, когда я взглянул в её сторону. Кайно, в свою очередь, смирился, издав слабый вздох.

— Ты нас поймал в сети, — сказала Анастасия, подперев подбородок рукой. — Если ты говоришь, что Селена и её суровый отец не будут проблемой, то я предпочту пока поверить тебе. Но добрый охотник высказывает справедливую мысль. Скифас и лучник примечательны своим отсутствием. Ты уже обратился к ним? Собираешься ли?

— Лефтерис всячески старается избегать нас с тех пор, как навлёк на себя гнев моего мастера, — сказал я, весело. — Но я держу ухо востро, и если Судьбы будут благосклонны, то я смогу найти его до заката.

— А если не будут? — спросила Элисса страдальческим тоном человека, который знает какой ответ он получит ещё до того как задаст свой вопрос. Я ухмыльнулся.

— Я всё равно найду его.

— А что насчёт милого Скифаса? — спросила Анастасия, внимательно наблюдая за тем, как Сол опускает голову в обжигающую ванну, а затем поднимается и проводит пальцами по грубым черным волосам.

— Скифас найдёт нас, — уверенно сказал Сол. Анастасия хмыкнула, принимая это без возражений.

— Нам придётся пока затаиться, — подумал Джейсон, выходя из ванны и беря полотенце. — Каукосо Монс пока что не вариант. Мы не можем, в конце концов, каждую ночь быть похищенными.

— Придётся искать нейтральную территорию, — согласился Кайно и одновременно поднялся, отбросив в сторону хвост из крокодиловой кожи, который был на нём всё это время, чтобы обернуть полотенце вокруг талии.

— У меня есть место, — просто сказала Элисса, вытирая влагу с волос.

Когда мы вышли из бани на свет, накинув на головы полотенца, чтобы частично прикрыть лица под видом сушки волос, Джейсон с опаской оглядел просыпающиеся улицы восточного района Олимпии.

— Мы уже искушаем Судьбы, находясь на улице в таком виде, — негромко сказал он.

Я фыркнул, наклонив голову к нашим восторженным зрителям. Слева от нас пара женщин кричала друг другу с соседних балконов о какой-то размолвке, произошедшей накануне. На самой улице горстка детей бегала по улицам, играя в пятнашки, и пара бродячих собак обнюхивала старого бродягу в грязных лохмотьях, беспокойно спящего в тени, отбрасываемой повреждённой баней. По меркам Города Полу-Шага, здесь было пустынно.

— Думаю, они оставят это при себе, — сказал я Джейсону и рассмеялся, когда он ткнул меня локтем.

— Ты так думаешь, да?

Я посмотрел вниз на бродягу в лохмотьях. Старик приоткрыл один глаз и теперь злобно смотрел на меня. Обычные карие глаза без огней за ними. Вихри моего влияния прошли по нему и не нашли ничего примечательного. Просто старик, спящий на улице.

Сол и наши спутники настороженно смотрели на бродягу, переглядываясь между собой и обмениваясь тихими словами намерения. Героические культиваторы среди нас сдвинули свои полотенца так, чтобы скрыть как можно больше своих отличительных черт. Для Кайно и Элисссы, чей рост и шрамы выдавали их с головой, это было довольно комичным зрелищем.

— Дедушка, — почтительно поприветствовал я, склонив голову. — Этим скромным софистам очень нужна была ванна. Прошу простить нашу бестактность.

— Я простил тебе больше чем это, — сказал он, угрюмо и серо. Он приподнялся на локте и сдвинул свои лохмотья, плотнее обтягивая их вокруг себя. Всё-таки была зима, и солнце только-только взошло. Для человека, не обладающего телосложением продвинутого культиватора, здесь, в тени, было некомфортно прохладно. — Все вы, молодые культиваторы, одинаковы. Мало того, что вы разгромили эту баню, привели её в негодность для тех, для кого она была построена. Вам нужно было добавить оскорбление к оскорблению, вернуться и воспользоваться ею, в то время как остальной город не мог этого сделать.

Я моргнул и медленно спросил мужчину: «Кто сказал, что это мы разгромили это здание?»

— Я. — Бродяга прочистил горло и сплюнул мокроту на улицу рядом с собой.

Кайно положил массивную руку мне на плечо, и тонко потянул, побуждая вернуться. Я отмахнулся от него: «Она уже была такой, когда мы пришли сюда сегодня утром», — сообщил я бродяге.

Он усмехнулся: «Ты ужасный лжец, мальчишка».

Сол глубоко вдохнул.

— Моё добродетельное сердце не потерпит такого оскорбления, — сказал я очень тихо. — Даже от старика.

— Правда, сказанная с ложным умыслом - такая же ложь, как и любая другая, — сказал он, отмахиваясь от меня. Дерзость этого бездомного негодяя. — Каждый человек в Городе Полу-Шага знает, как вывернуть свои слова, чтобы сделать их красивыми. Но блеск человеку придаёт не риторика, а суть.

Сол подался вперёд, внезапно заинтересовавшись: «Кто ты такой, чтобы так говорить? Ты философ?» — Его влияние распространялось, чтобы проверить человека так же, как и моё, и нашло так же мало, судя по его хмурому лицу.

— Философ, — повторил старик и снова сплюнул. — Нет, мальчик, философы - это люди, которые занимаются познанием вещей. Посмотрите на меня. Разве я похож на человека, который хоть что-то знает?

— Твоё определение философа отличается от моего, — сказал Сол, в его глазах собиралась буря. Я подавил раздражение и заставил себя смотреть мимо этого, глубже.

— Разумеется, — пригласил бродяга. — Просветите меня.

— Сол, — пробормотал Джейсон, придвигаясь к нему. Его глаза продолжали двигаться за краями полотенца, наблюдая, как всё больше и больше людей выходят из своих домов и

предприятий на улицы. — Нам пора идти.

— Минутку, — рассеянно ответил Сол. Он встал на колени перед живой кучей грязного тряпья, Анастасия опустилась рядом с ним на колени с любопытством и смутным недоумением в глазах. — Меня учили, что философ — это человек, который знает только одно, и это то, что он вообще ничего не знает.

Старик фыркнул: «Как претенциозно. С таким же успехом ты мог назвать их дураками, если это всё, что отличает их».

Сол долго молчал, ища что-то в лице старика: «Правда, сказанная с ложным умыслом — это ложь, — сказал он наконец. — Как бы ты назвал противоположное мнение, которое ты выдаёшь за своё собственное?»

— Я бы назвал это лицемерием.

— А я бы назвал тебя лжецом, — сказал Сол с чем-то похожим на триумф. — Ты знаешь, что значит сказать, что философ — это человек, который знает только то, что он ничего не знает. Это признание ограниченности человека. Это кристаллизация мышления.

Старик наклонил голову: «Кто научил тебя этим словам, мальчик?»

Сол наклонился вперёд, теперь уже с нетерпением, но я видел, как недоумение Анастасии переросло в нечто более глубокое. Беспокойство. Она ломала голову в поисках чего-то важного, недоступного. Я нахмурился, и создал три руки панкратиона за спинами Джейсона, Кайно и Элиссы, которые с нежным розовым теплом коснулись их лопаток. Мы приняли позы, не несущие видимой угрозы, но, тем не менее, готовые.

— Мой наставник, — сказал Римлянин с нарастающей целеустремлённостью. — Он учил меня в детстве. И я обязан ему некоторыми своими лучшими чертами. Ты слышал о нём? Или лучше — встречался ли ты с ним?

— Как я могу сказать, если ты не назвал мне имени?

Глаза Анастасии внезапно расширились. Я резко вдохнул через нос.

— В моем городе его называли человеком, который знает всё, — признался Сол. — Другие мои наставники называли его Отцом Риторики.

— Но его имя — Аристотель.

Анастасия в ужасе уставилась на старика.

— Глупо, — вздохнул старый бродяга. И поднялся, сбросив с себя маскировку его души.

Одно бесконечное мгновение я непонимающе смотрел на то место, где он лежал, скорчившись на дороге, и где он теперь стоял, положив ладонь на голову Сола, где тот встал на колени. В течение этого мгновения, когда бесформенная пелена непоследовательности старика спала с него, и тот же ужас, что был в глазах Анастасии, мгновенно распространился на всех мифических Героев нашей группы, я был так же парализован, как и они.

Но это было лишь мгновение.

[Заря пробивается.]

Двадцать кулаков намерения панкратиона пылали, преодолев расстояние между нами, тянувшись, терзая и ударяя. Я использовал весь вес моей пневмы и сделал выпад вперёд, тянувшись к моему брату, вставшему на колени.

[Заря сменяется закатом.] произнесла душа старика. Огонь в моих ладонях потух, и я почувствовал, как голые кулаки врезаются в абсолютно неподатливую поверхность, когда они ударили его. Грязные лохмотья старика зашевелились под моим ударом, единственная реакция с его стороны, и отвалились, обнажив тело, похожее на скрученное железо.

— Высокомерный ребёнок, — сказал он и нанёс ответный удар, который я поймал на скрещенные предплечья, отбросив меня назад через дорогу с силой, достаточной для того, чтобы мои пятки вырыли борозды в грязи.

Гравитас потряс улицу, повалив на землю горожан и детей, которые ещё не заметили столкновения. Крики поднялись в воздух на черных крыльях. Но как ни старался Сол, он не мог подняться против руки, которая легла ему на голову. В его глазах бушевала буря.

— Используешь против меня справедливость, как будто мне есть чего от неё бояться, — презрительно сказал мне старик. — Ссылаешься на добродетель своего сердца, пока сам прикрываешься ложью. У тебя нет понятия о добродетели. Где совершенство в твоей душе?

— Ты... — выдохнула Анастасия.

— Это... — Джейсон осёкся.

— Я - ничто, — сказал бродяга, отмахиваясь от каждого из них. Он посмотрел на Сола, наблюдая за его борьбой, и наклонил голову, признавая, — Я - учёный человек. Философ. И я знаю то, что я знаю.

Эти тусы. Эти никчёмные дворняги. Почему они не сражаются?

Я вскочил на ноги и, извиваясь, потянулся в мою тень, выхватывая из неё широкий небесный топор Вёрона и окутывая его розовым пламенем.

[Солнце восходит.]

Бродяга даже не поднял глаз.

[Ночь падает.]

Я упал с неба и, врезался в землю в приседе, проехав пятками по грязи. Я резко выдохнул и снова поднялся. Мои чувства продолжали говорить мне то же самое, что они говорили мне с тех пор, как он сбросил свою непримечательную вуаль.

Его пневма, без сомнения, была пневмой Философа. Не более этого.

И всё же.

— Ни один ученик Аристотеля не смог бы создать столь много проблем, в течение столь малого времени, — сказал старик, покачивая головой. Сол изо всех сил уставился на него. — Сколько ты здесь был, неделю? Пять дней? Ты мне врешь, или этот молодой дурак оказал тебе обезьянью услугу.

Я собрал мою пневму и положил руку на рукоять дядинового клинка. Я почувствовал, как моя кровь начала закипать.

Сол зарычал: «Он сделал всё, что мог, с тем, что ему было дано».

— Тогда он потерпел неудачу. И, как мастеру его мастера, у меня нет другого выбора, кроме как исправить то, что он оставил незавершённым. — Не глядя, не обращая в мою сторону своих тусклых, неприметных глаз, старик взмахнул рукой, как бы смахнув муху с плеча, и я моргнул, когда на мою голову посыпались обломки и разрушенный камень. Я понял, что не стою в готовности к атаке, как я думал. Я скорчился в проёме бани, пробив собой насквозь одну из её опор.

Четыре Героических культиватора застыли, глядя на то, как старый бродяга поднимает моего брата и встречается с ним взглядом.

— Аристотель, очевидно, не смог подготовить тебя к этому миру. Я, твой дед, научу тебя порядку вещей.

А потом он присел, словно перепрыгивая через лужу, и взлетел вверх, перепрыгивая через Город Полу-Шага, и полетел к вершине Каукосо Монс и её бессмертной штормовой короне.

Он взял с собой Сола.

Долгое время никто не произносил ни слова. Горожане, те, кто выбрался на улицу или вообще не покидал своих домов, выглядывали из-за решетчатых окон и треснувших дверей, любопытство боролось с разумным страхом. Издалека доносился вой собак.

Один за другим четверо героических Культиватора оглянулись на меня. Что бы они ни увидели, это мало помогло их тревоге.

— Ну и рожа у тебя, Грифон, — прошептала Анастасия, слабая попытка пошутить.

Я не улыбнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3395523>